

АНДРЕЙ АСКОВД

БИБЛИОТЕКА
СУДЕБ

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А90

Асковд, Андрей.

А90 Библиотека судеб. Прошлое не исправить, но будущее ещё можно переписать / Андрей Асковд. — Москва : Эксмо, 2026. — 368 с. — (Просто мистика. Почти правдивые истории Андрея Асковда).

ISBN 978-5-04-217933-4

Творчество Андрея Асковда хорошо известно российскому читателю по серии его книг о забавных приключениях двух мальчишек — «Как мы с Вовкой».

На этот раз автор обратился к захватывающей теме: жизни после жизни. Его новый роман в жанре магического реализма рассказывает о непризнанном на земле писателе, которому удалось-таки сделать отличную карьеру, но только после того, как он... перебрался в другой мир, который удивительным образом отсылает нас к реалиям советского прошлого.

Кто же победит в схватке между добром и злом, честью и подлостью, верой в чудо и неверием в собственные силы. Лихо закрученный сюжет, пронизывающие до мурашек истории, легкость и ирония в фирменном авторском стиле Андрея Асковда и, конечно, таинственная библиотека, судьба которой вызывает массу вопросов как у светлых, так и у темных сил, — чтение этой книги станет для вас по-настоящему увлекательным впечатлением.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-217933-4

© Андрей Асковд, текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

От автора

Петрову в жизни не всегда везло, но можно ли стать везунчиком, закончив земную жизнь?

Оказавшись в ином мире, Петров становится Вершителем чужих судеб. Его собственная судьба сложилась так, что он оказался на Светлой стороне. Но там, где есть Светлая сторона, есть и Тёмная. Как они делят между собой Книги Судеб? Кто отвечает за баланс между добром и злом?

Со временем Петров понимает, что всё не так просто, как казалось на первый взгляд. Есть ли на самом деле некто Высший, замысел которого хочется понять? Можно ли найти Книгу Книг, где собраны ответы на все вопросы? Однако ответы только порождают новые вопросы. Могут ли люди и там, и тут жить по своей воле? Всё это предстоит узнать Петрову и пройти свой непростой путь.

Пятнадцать трогательных и добрых историй, которые меняют к лучшему судьбы людей и порой неожиданно переплетаются между собой, пишет Петров для Мира Живущих. Они заставят вас задуматься и, возможно, пересмотреть своё отношение к жизни и к близким. И одна история самого Петрова. Его путь от стажёра до...

Непризнанный автор

Наша жизнь подобна роману, который мы пишем сами. Но что, если у нас есть соавторы? И кто в таком случае имеет больше прав на это произведение?

Петров, ещё раз взглянув на своё отражение в зеркале, критически оценил внешний вид и вышел из квартиры, на всякий случай сплюнув через левое плечо. Через час у него назначена встреча с редактором небольшого издательства. Уже сам факт того, что ему предложили встретиться, говорил о многом. Все попытки Петрова попасть на книжные полки обрывались на корню, не дав ростку даже пробиться сквозь толщу непризнанности. Все его рукописи оставались без ответа от издательств, оседая в глубине грунта безнадежности среди прочих графоманов. И вот, когда он уже отчаялся, раздался звонок. Сначала Петров подумал, что это шутка от друзей, и отвечал уклончиво, как будто собеседник пытался узнать ПИН-код от его карты. Но спустя пару минут разговора он решил, что это слишком глупая мысль, и договорился о встрече.

Выйдя из подъезда, Петров вдруг ощутил жар, несмотря на то что на дворе стоял май, который только вступил в свои права и не баловал погодой. Это было похоже на то, как будто он вышел из офисного здания с кондиционера-

ми на раскалённую солнцем улицу в самый жаркий летний день. Но даже это сравнение не передавало всего ощущения. Больше всего оно походило на то, как будто перед Петровым распахнулась дверца доменной печи. Одновременно с этим возникло ещё одно ощущение — мир вокруг словно замер. Только где-то наверху послышался взмах крыльев. Интуитивно подняв голову, Петров увидел птицу, которая сорвалась с карниза крыши.

«Точно не голубь, значительно крупнее», — почему-то подумал Петров. Вслед за улетевшей птицей от карниза, где только что сидел ворон или кто-то ещё покрупнее, откололся кусок кирпича и начал падать. У Петрова возникло странное ощущение, что время замедлилось. Обломок падал, словно сквозь толщу воды, растягивая последние секунды его жизни. Складывалось ощущение, что времени ещё много, но оно не давало возможности успеть принять решение — отойти, отпрыгнуть или как-то уклониться. Кирпич неизбежно падал, и не было надежды, что он упадёт рядом. Оставалось только наблюдать за приближением неотвратимого. Ну и немного подумать.

Жизнь не пронеслась перед глазами Петрова, как это обычно говорят в таких случаях. Он только успел с сожалением подумать, что так ничего путного и не написал. Все его творения отвергались всеми издательствами. Никто даже не удосужился дать ответ или хотя бы пообещать, что они обязательно позвонят. Но Петров тем не менее верил, что рано или поздно найдётся редактор, который разглядит его талант между буквами и абзацами. И вот, когда такой человек нашёлся, вместо того чтобы бежать на встречу, непризнанный автор стоит и наблюдает, как строительный материал из пластичной минеральной смеси поставит точку в романе его жизни. Ему даже послышался шелест рассекаемого кирпичом воздуха.

— Прекрасный день, чтобы опять начать всё сначала, — раздался голос позади Петрова.

Петров обернулся и понял, откуда исходит шелест. За спиной незнакомца, который неизвестно как здесь оказался, складывались чёрные крылья. Если бы не эти крылья, то его можно было бы принять за обычного неформала. Чёрный плащ, такого же цвета футболка с каким-то жутким принтом, чёрные джинсы и тяжёлые чёрные ботинки. Наподобие армейских. На лоб спадала чёрная чёлка. Немного странный, но вполне обычный молодой человек.

«Это... Я что? — Петров не мог подобрать слов. — Это как?» — Он посмотрел вверх, поднял руку и зачем-то указал пальцем на приближающийся кирпич. Незнакомец лишь пожал плечами в ответ.

— Не я выбираю, — объяснил он. — Пошли. Тебе пора, — и протянул руку.

У Петрова почему-то не было сил или возможности сопротивляться, и он дал свою в ответ. Как только их пальцы соприкоснулись, всё, о чём думалось до этого, перестало иметь значение. Его мысли, планы и веру в благополучный исход через пару мгновений накроет медным тазом. Точнее — кирпичом. «Может, это и к лучшему», — успел подумать Петров, и в тот же миг свет померк, как только его обняли и поглотили чёрные крылья.

Между поглотившей его темнотой и светом, вернувшем Петрову осознание, прошла доля секунды. А может, и вся жизнь. Когда нечем измерять время, трудно дать точный ответ. Петров только почувствовал, как рука незнакомца его отпустила и стих шелест крыльев. Он обнаружил себя стоящим в дверях какого-то учреждения и не мог вспомнить, как тут оказался и, собственно, зачем сюда пришёл.

— Возьмите талончик, — улыбнулась ему приветливая девушка, стоявшая рядом с терминалом.

— Я, наверное, ошибся, — Петров попятился назад. — Я на встречу опаздываю. Мне, видимо, кирпич, упавший

на голову, часть памяти отшиб, и я не помню, как и зачем здесь оказался, — он на всякий случай потрогал голову на предмет обнаружения повреждений. Та вроде как была целой. Даже шишки не нащупывалось. Может, кирпич прошёл по касательной, и он на какое-то время потерял сознание? На автомате дошёл сюда, и оно вновь вернулось.

— Нет-нет, — заверила его девушка, похожая на стюардессу или консультанта банка. — Всё правильно. Вы умерли и теперь на распределении.

Девушка сказала это как-то буднично и с такой весёлой интонацией, будто сообщила, что у Петрова закрыт кредит или погашена ипотека. Но, с другой стороны, если принять сей факт, то так и выходило.

— Простите? — не понял Петров.

— Талончик берите, — снова улыбнулась она.

Петров, всё ещё не осознавая происходящего, нажал на кнопку терминала. Тот выдал ему талончик с номером.

— Проходите в зал ожидания, — указала ему девушка на следующую дверь.

Зал ожидания походил на большое отделение банка. Бесконечные ряды окошек, уходящие вдаль, над которыми светились табло с номерами. У каждого сидел клиент. Рядами стояли кресла, которые устремлялись в ту же бесконечность, и в них сидели ожидающие своей очереди посетители. Многие из них были растеряны и удивлены не меньше Петрова.

Время от времени из динамика доносился голос, приглашавший очередного посетителя к окошку. Реплика девушки у входа «вы умерли» наводила на мысль, что это какая-то игра или странный сон.

Устроившись на свободном кресле, Петров взглянул на свой талончик.

— Ничего нового, — с тяжёлым вздохом произнёс старичок, сидевший на соседнем кресле. — Как стояли в оче-

редях при жизни, так и здесь продолжается. Алексей Фёдорович, — представился он и протянул Петрову руку.

— Николай, — ответил Петров. — А мы где?

Из объяснений Алексея Фёдоровича Петров понял только то, что он действительно умер и теперь, подобно другим посетителям, ожидает распределения. Куда распределяют — неизвестно. Возможно, в рай или ад, что казалось весьма странным. А как же суд и тому подобное?

Но посетители, завершив короткий разговор в окошке, уходили через одну дверь, и по лицам нельзя было понять, что они чувствуют. Ни радости, ни страха в их глазах не наблюдалось.

— Номер 1785, — объявил голос с потолка. — Пройдите к окошку 76.

— Пора, — Алексей Фёдорович поднялся с места.

— Ни пуха ни пера, — напутствовал старика Петров.

— Воздержусь на всякий случай от ответа, — улыбнулся тот. Кивнул на прощание Петрову и направился к окошку, где светился номер 1785.

Очередь постепенно продвигалась. В то время как одни покидали зал, другие входили и с растерянным видом занимали освободившиеся места.

— Номер 2956. Пройдите к окошку 103.

Петров расположился на стуле у окна с номером 103, приготовившись выслушать приговор. Пока ожидал своей очереди, его мысли обратились к прошлому, и он старательно вспоминал все свои прегрешения. Поразмыслив, Петров пришёл к выводу, что не совершил чего-то такого уж предосудительного за свою недолгую жизнь. В этом году ему должно было бы исполниться тридцать пять лет. Всего лишь тридцать пять. Возраст, когда ещё есть время чего-то добиться. Когда бурная молодость отгремела, а старость только ещё намекает о своей неизбежности, но пока не воспринимается всерьёз.

— Фамилия, имя, отчество и год рождения? — спросила женщина в окошке, не поднимая глаз. Петров ответил.

— Профессия при жизни? — продолжила она.

— Писатель. Ну по диплому — экономист, но...

— Писатель? — женщина подняла глаза и улыбнулась.

— По призванию, — уточнил Петров. — Не по образованию.

— Писатель — это хорошо, — ответила женщина, снова уткнувшись в бланк. — Писатели нам очень нужны. Выход на остановку № 726.

— На остановку? — Петров всё ещё не мог прийти в себя.

Женщина протянула ему новый талончик и молча указала рукой на выход, предлагая освободить место.

Петров поднялся и пошёл в указанном направлении. Выйдя в дверь, за которой до него исчезали другие посетители, увидел совсем иную картину. Длинный и просторный коридор можно было сравнить с залом вылета в аэропорту. Всюду были указатели и таблички, отсылающие к тому или иному выходу. Петров отыскал свой. За стойкой стояла девушка, которая проверяла у подходящих людей документы.

— Добро пожаловать, — приветливо улыбнулась она Петрову, когда подошла его очередь.

Петров протянул талон, девушка отметила что-то в своём списке и пропустила его.

Выйдя на улицу, Петров осознал, что даже не пытался представить себе, как тут все должно выглядеть. Он вообще ни о чём не думал с тех пор, как оказался в этом странном месте. Мозг отказывался обрабатывать информацию, словно защищаясь от перегрузки. Как при жизни он избегал воспоминаний и размышлений о смерти, так и сейчас. Просто не мог это принять.

Однако внешний мир не удивил Петрова. Если коротко описать, то можно сказать, что стоял солнечный и тёплый

день. Температура была около +20–22 градусов. Небо было безоблачным, стояло безветрие. Трава была зелёной. Ничего особенного. Впереди виднелась остановка, у которой уже ждал автобус — жёлтый старый ЛиАЗ.

Зайдя в него, Петров устроился на свободное место у окна. Только теперь он немного успокоился и попытался собраться с мыслями. Это не было похоже на розыгрыш. У Петрова не было таких друзей, которые могли бы столь достоверно и дорого всё организовать. Может быть, это как-то связано с редактором, который пригласил его на встречу? Но и эта версия казалась неправдоподобной. Что же с ним произошло?

«Вы умерли», — вспомнилось ему. Но это не вязалось с реальностью. Разве так выглядит смерть?

В своих размышлениях он не заметил, как поездка закончилась и автобус остановился. Пассажиры потянулись к выходу. Они были такими же растерянными и всё ещё ничего не понимающими, как и Петров.

— Прошу минутку внимания! — обратилась к ним женщина. — Сейчас я буду называть номера билетов, которые вы получили при посадке. Те, кто услышит свой, подойдите ко мне.

Петров и ещё несколько человек оказались в списке. Остальных забрал мужчина и куда-то увёл. Собрав всех, женщина пересчитала их по головам, словно первоклашек, и повела за собой.

При входе в здание, к которому их привели, была ещё одна проходная. Нужно было по очереди подходить и предъявлять свой билет.

— Далее по коридору и в отдел кадров, — сказала женщина, закончив заполнять какой-то журнал. — Вон та дверь, — указала она на выход. — И дойдите до кабинета с табличкой «Отдел кадров».

— В отдел кадров? — удивился Петров. — Не в рай или ад?

Женщина вздохнула и закатила глаза, словно этот вопрос она слышала уже в сотый раз.

— В отдел кадров, — подтвердила она и положила перед Петровым ещё одну бумажку, давая понять, что приём окончен.

Петров взял листок бумаги и направился в указанном направлении.

* * *

— Три месяца испытательного срока, — произнесла кадровичка после небольшого вводного инструктажа. Поставила штамп на документе и вручила его Петрову. — Вас проведут и обеспечат всем необходимым.

Петров хотел было пошутить на тему «А после испытательного срока уже в ад или рай?», но решил воздержаться. Он понял, что расслабляться рано, ничего ещё не ясно.

Петрова проводили в предоставленное ему жилище. Предварительно в составе группы вновь прибывших провели ещё один краткий инструктаж и переодели. Всю одежду и все вещи, что оказались при них из того мира, забрали. Для жизни и работы всё будет предоставлено. Возле дома есть магазин со всем необходимым и кафе. Денег тут нет, все берут всё что надо, но по потребности. Пока на испытательном сроке, далеко от дома не уходить. В течение последующих сорока дней являться на занятия по адаптации. На этом пока всё. Подробности после прохождения испытательного срока.

Необходимое было действительно только необходимым. Небольшая квартирка, обеспечивающая минимальные бытовые потребности. Кухня с электрической плитой, обеденным столом с парой табуретов, посудой в одиноком шкафчике и холодильником. Обычная ванная, совмещённая с туалетом, облачённая в белый кафель. Комната с односпальной кроватью, письменным столом со стулом. На столе стоя-

ла печатная машинка, не какой-то там компьютер, а очень древняя (на вид) печатная машинка. Завершал картину дисковый телефон с проводом-пружинкой и настольная лампа. Ну и шкаф с неброской одеждой его размера. Ничего особенного.

Иной мир мало чем отличался от того, откуда прибыл Петров. С единственной разницей, что казалось, будто время в нём остановилось несколько десятилетий назад. Если всё-таки уже смириться с утверждением, что он умер, то язык не поворачивался назвать этот мир загробным. Такие же панельки домов, тротуары и дороги. По улицам ходили люди. Разве что машин не было видно. Были автобусные остановки и редкие рейсовые автобусы, такие, как тот, что привез Петрова сюда. Люди перемещались в основном пешком или на велосипедах, что, скорее всего, благоприятно сказывалось на местной экологии. Воздух был свеж, трава зелена, а небо синее, без единого облачка. Даже пыли не было. Может, так и выглядит рай? Про ад Петрову так никто и не сказал ничего до сих пор.

Работа Петрова заключалась в том, что ему предоставилась возможность стать Вершителем Судеб. Не сейчас, конечно, а после того, как пройдёт его испытательный срок. Пока он только стажёр, и ему доставались посредственные дела. Обычные люди со своими бытовыми проблемами. Для каждого нужно было писать их Книгу Судьбы как роман и вести по жизни. Дом, работа, взаимоотношения и прочие ситуации. Задачей Петрова было давать определенные направления в жизни этих людей. Отмечать ключевые события, поворотные моменты в судьбе. Спустя три месяца, как пройдёт испытательный срок, Петрова переведут в штат и определят в группу Вершителей согласно его способностям.

Всё, о чём он успел узнать, так это то, что все Вершители делились по статусу. Самые топовые писали судьбу

значимых людей в том мире. Здесь его называли — Мир Живущих. Для того чтобы стать востребованным Вершителем, нужно было иметь большой талант, навыки и умение закручивать сюжеты. Периодически Книги Судеб передавались к другим Вершителям. Кто-то был силён в любовных делах, и необходимо было всё красиво расписать, а у кого-то лучше получались приключения. Были и отдельный политический отдел, и бизнес-направление. Находились любители писать триллеры или детективы. Имелись также Вершители — стратеги военных баталий. Но Петрову было далеко до них. Жизнь в Мире Живущих убедила его в том, что в его опусах нет ничего интересного и значимого. Возможно, Петрову повезёт, и его работа на практике заинтересует какого-нибудь редактора из числа нынешних, и его ничем не примечательный персонаж начнёт в какой-то из Книг Судеб развиваться. Может быть, её даже сделают бестселлером. Петров ещё не совсем понял, как здесь всё устроено. А пока что? Бытовуха, да и только.

Петров каждое утро просыпался, заправлял в печатную машинку новый лист и писал чью-то жизнь. Конечно, книги уже были кем-то начаты, но Петров не видел необходимости перечитывать то, что было сделано до него. Взяв книгу в руки и открыв её, он как будто проживал жизнь персонажа. За несколько минут. От рождения и до последней строчки. В голове откладывались и запоминались все ключевые события, которые ему понадобятся для дальнейшей работы. Но в голове ещё блуждали мысли и сомнения относительно происходящего. Мир Живущих был ещё очень свеж в воспоминаниях. Для этого и была назначена процедура адаптации. Прощание с Миром Живущих и со всеми теми, кто был тебе близок в том мире. Осознание того, что теперь они далеко от тебя.

Петров ежедневно, в течение всех сорока дней с момента прибытия, ходил на адаптационные занятия. В небольшом